

465

*Въ редакціи журнала "Православное
Творчество"*

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ

X

Григорьев

РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ МИССИИ

ВЪ КИТАѢ,

составленная

по случаю исполнившагося въ 1913 году

двухсотлѣтнему юбилею ея существованія.

Изданіе первое.

ПЕКИНЪ.

Типографія Успенскаго монастыря.

1916 годъ.

Н

4447

66

7

1

8

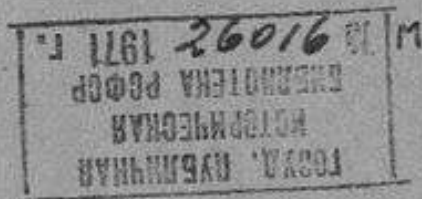
8

9

9

01

Печатать дозволяется. 10 Ноября 1916 г. - Начальник Миссии Епископъ Иннокентій.

В
К
К

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Просьба—передъ чтеніемъ исправить.

Стран.	Строка.		Напечатано	Нужно читать
	Свер.	Сниз.		
7		14	болѣе 20 книгъ,	болѣе сорока книгъ,
11	5		(особенно Вербѣ),	особенно Вербѣ,
12	10		(хао-пи-чанъ),	(хуа-пи-чанъ),
14	3		(Южный).	(Южный) «Нань-танъ».
„	9		За невмѣніемъ у нихъ	За невмѣніемъ у ихъ пастыря,
15	15		еще и въ плѣнѣ пребываемъ;	еще и въ плѣнѣ пребываеши;
17	11		діакона, на церковныя	діакона и причетниковъ. По
„	12		въ концѣ 1717 или началѣ	въ концѣ 1712 или началѣ
			1718 года	1713 года
20	13		«еще ваше сіятельство	«еще ваше сіятельство
„	18		почтите.	почтите,
22		9	толку къ единому	толко къ единому
28		9	пустить	пустить
„		5	(Лонгот. и Секи),	(Лонготу и Секи),
31	8		Тресконской	Трастовской
32		9	Шунь-и	Шунь-и
38		17	кругъ, церковныхъ книгъ,	кругъ церковныхъ книгъ,
„		9	—на старую.	—на старую церковь.
45	12		переслалъ бумагу Якобія	переслалъ бумагу Ланга
46		5	какъ-то въ быстромъ усво-	какъ-то быстрымъ усвоеніемъ
			еніи разговорнаго	ими разговорнаго
47	18		(23 февраля 1756 г.)	(23 февраля 1755 г.)
52		6	въ 1657 г.	въ 1757 г.
„		1	западъ	западъ
53	5		также-сарай большой	а также—сарай большой,
„	10		виноградныхъ лозъ	виноградныхъ лозъ
56	6		монгаль-	мунгаль-
„		1	Кропоткинъ	Кропотовъ
61		4	(Асафонову,	(Агафонову,
62	1		и Шандунѣ	и Шаньдунѣ
63		8	Израиль	Израиль
66	2		представлялъ	предоставлялъ
73	1		(около 40000 руб.)	(около 4000 руб.)
„	16		познанія ученика	познанія въ языкахъ ученика
74		17	вѣропроповѣдниковъ	римскихъ вѣропроповѣдниковъ
„		15	маньжурскаго	маньжурскаго
„		7	Софроній огорченъ	Софроній былъ огорченъ
84	10		1770 года.	1777 года.
„	11		съ 1790 года	съ 1799 года
89		13	является, Лавра	является Лавра,
„		9	Шиллингомъ за Байкаль	Шиллингомъ—за Байкаль
93		15	и взысканію	и взысканія
101		2	моги лаго	могила его

Стран.	Строка		Напечатано	Нужно читать
	Свер.	Сниа.		
103		7	къ св. Анны	къ ордену св. Анны
110	4		этнографіи	этнографіи
141	11		«Дневникъ»	«Дневникъ»
„		18	Дайцинскій домъ	Дайцинскій домъ
„		15	Дайцинской династіи	Дайцинской династіи
196	8		Это были	Это были

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Большая часть ученых, писавших о христіанствѣ въ Китаѣ, сходятся во мнѣніи, что провозвѣстникомъ слова Божія въ китайскомъ народѣ былъ святой апостолъ Фома. Мнѣніе свое они подтверждаютъ слѣдующими историческими данными.

1) Свидѣтельствомъ древней богосужебной книги, написанной на халдейскомъ языкѣ и принадлежащей Малабарской церкви. Въ службѣ святому апостолу Томѣ, помѣщенной въ этой книгѣ, нѣсколько разъ упоминается, что святой Фома принесъ евангельское благовѣствованіе въ Ефіопію, Персію, Индѣскія страны и Китаѣ 2) Исторіей жизни и подвиговъ святаго апостола Фомы, составленной на основаніи древнѣйшихъ христіанскихъ писателей (Оригена и Евсевія) подтверждающихъ, что святой апостолъ Фома проповѣдывалъ въ Китаѣ. 3) Устнымъ преданіемъ и по сіе время сохранившимся въ Индіи, которымъ подтверждается, что св. Фома проповѣдывалъ въ Индіи, Китаѣ и послѣ многолѣтнихъ апостольскихъ трудовъ принялъ мученическій вѣнецъ въ г. Миліатурѣ на Карамандельскомъ берегу, по сю сторону р. Ганга и, наконецъ 4) Посольствомъ, отправленнымъ императоромъ на западъ искать Священнѣйшаго. Посольство это въ 64 году по Р. Х. встрѣтило на юго-западѣ Китая цѣлую общину китайцевъ-христіанъ. Приведенные къ императору, они сообщили ему о родившемся на западѣ, умершемъ и воскресшемъ человѣкѣ; имя Священнѣйшаго сообщилъ имъ пришлецъ, праведный и ученый мужъ Фома.

Кто именно послѣ апостола Фомы до 7-го вѣка проповѣдывалъ Евангеліе и какъ оно проповѣдывалось въ Китаѣ,—на это до сихъ поръ исторія не даетъ опредѣленнаго отвѣта. Несомнѣнно только то, что послѣ апостоловъ христіанство легко продолжало насаждаться и утверждаться въ Китаѣ. Въ хронологическихъ таблицахъ арабскаго писателя Амру, цитируемаго у Ассемана, (Biblioth. orient. 1, 11 cap. XLII, 438) кафедра митрополита китайскаго поставлена послѣ кафедры митрополита индѣйскаго, древность которой съ несомнѣнной очевидностью доказана Лакрозомъ. Основываясь на рядѣ историческихъ свидѣтельствъ, ученые приходятъ къ выводу, что христіанъ и церквей въ Китаѣ было много особенно въ 5-мъ и 6-мъ вѣкахъ. Дальнѣйшія свѣдѣнія о христіанской проповѣди въ Китаѣ съ 7-го до 9-го вѣка заимствуются изъ китайскаго памятника (Спасскій «Описаніе древняго христіанскаго памятника открытаго въ Китаѣ въ 1625 году»).

Въ 782 году, какъ свидѣтельствуется названный памятникъ, началось гоненіе на христіанъ. Исповѣдывавшихъ христіанство предавали смерти, храмы разрушались. Далѣе отъ конца 8-го до 13-го вѣка свѣдѣнія о христіанствѣ заимствуются изъ сказаній историковъ несторіанскихъ и арабскихъ, свидѣтельствующихъ о расцвѣтѣ въ этотъ періодъ несторіанства. О состояніи христіанской вѣры въ Китаѣ съ конца 8-го и до половины 13-го вѣка собственно не дошло до насъ подробныхъ историческихъ свѣдѣній. Но не безъ основанія впрочемъ предполагаютъ, что въ это время въ Китаѣ было много христіанъ, только подчиненныхъ несторіанскому католику. Въ под-

твержденіе этого приводятся извѣстія сирскихъ лѣтописей за 1279 годъ о кончинѣ китайскаго митрополита и о назначеніи на его мѣсто другаго, именно Маръ—Сергія, который съ подчиненными ему епископами и монахами съ большимъ успѣхомъ распространялъ ученіе Несторія въ Китаѣ. И. быть можетъ, онъ осуществилъ бы цѣль—утвердить это ученіе во всѣхъ областяхъ обширнаго Китая, если бы неожиданное прибытіе въ 1291 году опасныхъ соперниковъ, католическихъ миссіонеровъ, не положило преграды осуществленію этого желанія.

Явившіеся въ 1291 году, какъ бы на смѣну несторіанъ, католическіе миссіонеры, по преимуществу изъ орденовъ доминиканцевъ и францисканцевъ быстро добились свободы въ проповѣди. Но блестящій успѣхъ католической пропаганды былъ кратковремененъ. Въ 1368 году династія татарскихъ императоровъ была свергнута и возшедшій на престолъ китайскій императоръ Чу началъ жестокое преслѣдованіе христіанъ. Императоръ и его пріемники считали христіанскихъ проповѣдниковъ и ихъ послѣдователей элементомъ, расположеннымъ къ заговорамъ, возмущеніямъ, а потому и чрезвычайно опаснымъ въ государствѣ; христіане истреблялись сотнями тысячъ, имущество движимое сжигалось и разбѣивалось по вѣтру. Все, что только можно было уничтожить—было уничтожаемо. Отъ памятниковъ христіанства не осталось и слѣда. Съ этого историческаго момента началось въ Китаѣ то недовѣріе китайскаго правительства ко всему иноземному, то презрѣніе къ иностранцамъ, къ ихъ религіи, правамъ, обычаямъ, которое обратилось впоследствии въ національный, замкнутый въ себѣ характеръ китайцевъ. Отражалось все это и на гражданскомъ законодательствѣ и было однимъ изъ серьезныхъ препятствій успѣху христіанской проповѣди.

Съ 1368 г. до 1591 г. христіанства въ Китаѣ не существовало: все даже отдаленно напоминающее о немъ, уничтожалось, какъ вѣчто опасное, грозящее виновнымъ неизбѣжной смертію. Проникшіе въ 1581 году въ Китаѣ іезуиты убѣдились, что душа китайскаго народа превратилась въ пустыню. Для превращенія ея въ мало-мальски плодородную почву потребовалось около трехъ сотъ лѣтъ тяжелаго миссіонерскаго подвига, который сопровождался для многихъ проповѣдниковъ слова Божія тяжелыми страданіями и мучительною смертію. Впоследствии вся дѣятельность инославныхъ миссій, особенно протестантской въ концѣ концовъ свелась къ чисто—просвѣтительнымъ цѣлямъ и въ этомъ направленіи оказала китайскому народу неоцѣнимую историческую услугу.

Теперь, когда китайскій народъ предоставленъ собственному своему управленію, трудно сказать, по какому руслу потечетъ христіанская проповѣдь. Къ какому изъ христіанскихъ исповѣданій по преимуществу прикнетъ китайскій народъ или онъ войдетъ въ сонмъ почитателей Единскаго Христа, объединенныхъ союзомъ вѣры и любви. Задача предлагаемаго сочиненія—раскрыть судьбу православія въ Китаѣ отъ начала проповѣди до нашихъ дней.

Краткая Исторія Духовныхъ Миссій въ Китаѣ.

Введеніе.

Начало православія въ Китаѣ относится ко второй половинѣ 17-го вѣка. Въ стремленіи за пушнымъ звѣремъ и драгоценными металлами русскіе промышленники, охотники и казаки проникли до рѣки Амура и стали селиться по среднему ея теченію. Здѣсь они основали, между прочимъ, укрѣпленное поселеніе—гор. Албазинъ. Китайскій богдыханъ Канси рѣшилъ удалить опасныхъ, по мнѣнію китайцевъ, сосѣдей и отправилъ противъ албазинцевъ войско подъ предводительствомъ генерала Лантаня въ 1685 году. Послѣ продолжительной осады албазинскій гарнизонъ, состоявшій изъ 450 человекъ, принужденъ былъ сдаться на капитуляцію. Русскимъ плѣнникамъ предложено было или вернуться въ Якутскъ и Нерчинскъ или принять китайское подданство. Часть албазинцевъ согласилась на послѣднее предложеніе и, вмѣстѣ со своими семействами, переселилась въ Пекинъ. Съ собой албазинцы взяли въ Пекинъ священника албазинской Никольской церкви о. Максима Леонтьева. Послѣдній привезъ съ собою въ Пекинъ церковную утварь и икону святителя Николая.

Богдыханъ Канси привѣтливо принялъ прибывшихъ въ концѣ 1685 года въ Пекинъ православныхъ албазинцевъ и приказалъ отвести имъ мѣсто для поселенія въ самомъ Пекинѣ—въ сѣверовосточномъ углу столицы. Спустя нѣкоторое время по переселеніи, албазинцамъ, по приказанію богдыхана, перетана была буддѣйская кумирня для совершенія священнослуженій. Кумирню эту о. Максимъ обратилъ въ часовню во имя святителя Николая. Своихъ новыхъ подданныхъ богдыханъ Канси причислилъ къ наследственному военному маньчжурскому сословію.

Кромѣ албазинцевъ въ Пекинъ бывали и прїѣзжіе православные русскіе люди. Около половины 17 вѣка снаряжа-

лись въ Пекинъ торговые караваны частными лицами, а съ 1698 года—русскимъ правительствомъ. Для прїѣзжихъ русскихъ отведенъ былъ особый посольскій дворъ. Религіознымъ своимъ потребностямъ, до открытія богослуженій въ албазинской часовнѣ, русскіе люди удовлетворяли въ одномъ изъ католическихъ храмовъ, гдѣ для нихъ былъ поставленъ православный образъ.

Въ 1695 году Тобольскій митрополитъ Игнатій прислалъ албазинцамъ со священникомъ и діакономъ святой антимиѣ, святое миро, богослужебныя книги и церковную утварь. Въ особой грамотѣ онъ утѣшалъ плѣнниковъ, совѣтовалъ не печалиться о своемъ положеніи и въ общественныхъ молитвахъ возносить прошенія и за китайскаго Императора. Въ сослуженіи присланныхъ изъ Тобольска священнослужителей о. Максимъ освятилъ въ 1696 году албазинскую часовню, наименовавъ оную храмомъ во имя святой Софіи—Премудрости Божіей.

Въ этомъ храмѣ о. Максимъ совершалъ богослуженія для албазинцевъ до самой своей кончины послѣдовавшей въ 1711^{съ} или 1712 годахъ. Обязанности чтецовъ и пѣвцовъ, а также церковнаго старосты исполняли при немъ сами албазинцы. Свыше 25-лѣтняя пастырская дѣятельность о. Максима ограничивалась совершеніемъ богослуженія и требъ для православныхъ албазинцевъ и прїѣзжихъ въ Пекинъ русскихъ и вообще удовлетвореніемъ ихъ религіозныхъ потребностей.

Государь Петръ I участливо относился къ судьбѣ православныхъ переселенцевъ въ Китаѣ. По полученіи свѣдѣній изъ Тобольска отъ думскаго дьяка Виніуса объ освященіи православнаго храма въ Пекинѣ, Петръ I писалъ ему въ отвѣтъ: «То дѣло зѣло изрядно. Только, для Бога, постушайте въ томъ опасно и не шибко, дабы китайскихъ начальниковъ не привесть въ злобу, также и іезуитовъ, которые тамъ отъ многихъ временъ гнѣздо свое имѣютъ». Чтобы упрочить положеніе нашихъ миссіонеровъ въ Пекинѣ, въ цѣляхъ удовлетворенія религіозныхъ потребностей православныхъ жителей гор. Пекина Императоръ Петръ I указомъ 18 Іюня 1700 года повелѣлъ учредить въ Тобольскѣ духовную миссію. Изъ состава этой миссіи, предназначенной главнымъ образомъ для Сибири, два или три престарѣлыхъ инока должны были жить въ Пекинѣ, дабы «тамо живу

щихъ (албаинцевъ) и прѣзжихъ христіанъ отъ прелести всякой идолослуженія отвадити и у той построенной Божіей церкви служить». Но первыя попытки добиться права послать въ Пекинъ православныхъ пастырей, подъ вліяніемъ іезуитовъ, отклонялись китайскимъ правительствомъ и только въ 1712 году, послѣ кончины о. Максима, по настоянію русскаго комиссара Худякова, богдыханъ разрѣшилъ присылку русскоѣ миссіи въ Пекинъ. Въ составъ первой миссіи были назначены архимандритъ Иларіонъ Лежайскій и при немъ священникъ, діаконъ и семь учениковъ церковниковъ. Послѣдніе посылались для изученія китайскаго и маньчжурскаго языка и потомъ занимались переводомъ грамотъ, получаемыхъ изъ Россіи. Миссія, снабженная иконами, ризницей и богослужебными книгами, прибыла въ Пекинъ въ 1715 году. Принята была здѣсь съ особымъ почетомъ. Богдыханъ Канси зачислилъ членовъ миссіи въ высшія сословія. Архимандрита возвелъ въ мандарины 5 степени, священника и діакона въ мандарины 7 степени, а учениковъ причислилъ къ военному сословію, дабы они могли получать соответствующее казенное содержаніе. Членамъ миссіи были отведены квартиры возлѣ Албаинской церкви и назначено всѣмъ имъ единовременное пособіе и жалованье отъ китайскаго правительства. Архимандритъ Иларіонъ до самой кончины, послѣдовавшей въ 1718 году, пользовался особой любовью со стороны своей паствы за ревностное исполненіе своихъ пастырскихъ обязанностей. Своею высоко нравственною жизнью архимандритъ Иларіонъ заслужилъ расположеніе и самого богдыхана, ежемѣсячно справлявшагося объ его здоровьи и о нуждахъ Миссіи.

Озабочиваясь назначеніемъ въ составъ миссіи новаго архимандрита вмѣсто почившаго, Сибирскій митрополитъ Филосей въ письмѣ Тобольскому губернатору, князю Гагарину, высказалъ предположеніе о посллкѣ въ Китай начальникомъ миссіи лица въ епископскомъ санѣ. Императоръ Петръ I одобрилъ это предположеніе. По избранію Святѣйшаго Синода, утвержденному именнымъ Высочайшимъ указомъ предположено было послать въ Китай, для проповѣди слова Божія, іеромонаха Александро—Невскоѣ лавры Иннокентія Кульчицкаго. При этомъ въ Святѣйшемъ Синодѣ возникъ вопросъ: не слѣдуетъ ли іеромонаха Иннокентія посвятить во епископа Иркутскаго

и Нерчинскаго «для близости къ оному государству» или же отдѣлить его отъ Сибирской епархіи. Государь отвѣтилъ: «Въ архіерея посвятить, но лучше-бъ безъ титула, понеже сіи города порубежные къ Хинѣ, чтобы іезуиты не перетолковали инако и бѣдства-бъ не нанесли». При обсужденіи этого Святѣйшій Синодъ остановился на мысли наименовать новаго епископа Переславскимъ. Хиротонія Иннокентія Кульчицкаго во епископа Переславскаго совершена была 5 Марта 1721 года.

Новохиротонисанный епископъ долженъ былъ «къ архіерею Сибирскому ни къ сему, ни къ предбудущему,—токмо къ единому Синоду надлежать, а Сибирскій архіерей ни въ чемъ бы ему, и аще кто отъ него посланъ будетъ въ С—Петербургъ съ письмами, препятія и задержки не чинить, но паче помоществовать.» Къ китайскому правительству посланъ былъ отъ Сената листъ, запечатанный посольской печатью, о дозволеніи преосвященному Иннокентію, съ находящимися при немъ священнослужителями, не только въ Пекинѣ свободно пребывать и службу божественную въ церкви отправлять, но и прочія мѣста государства его ханова величества, гдѣ есть люди нашего закона, для управленія оныхъ, невозбранно посѣщать». Кроме того, епископу Иннокентію отъ Святѣйшаго Синода преподано было наставленіе осторожнѣе относиться къ сильнымъ въ Пекинѣ іезуитамъ. «А ежели по случаю кто отъ тамошнихъ знатныхъ и высокихъ персонъ о чинѣ вашемъ васъ спроситъ: то можете сказать, что имѣете чинъ епископства того ради, что можете рукоположить священника и діакона, когда ихъ надо будетъ на мѣсто умершихъ, а не дргова ради чево,—и то съ не малымъ опасеніемъ». Этимъ въ существу опредѣлялась главная задача нашей миссіи въ Китаѣ: не столько распространеніе православія среди китайцевъ, сколько удовлетвореніе нуждъ находящихся въ Китаѣ православныхъ—албазинцевъ и прибывающихъ изъ Россіи.

Въ Мартѣ 1722 года святитель Иннокентій прибылъ въ Иркутскъ, а затѣмъ въ Селенгинскъ. Но всѣ неоднократные переговоры о пропускѣ преосвященнаго въ Китай остались безуспѣшны. Іезуиты праняли всѣ мѣры къ недопущенію въ Китай православнаго епископа. Тогда епископъ Иннокентій назначенъ былъ на Иркутскую архіерейскую кафедру.

ру, а начальникомъ миссіи сталъ предназначенный прежде архимандритъ Антоній (Платковскій).

По Кяхтинскому трактату, состоявшемуся 14-го Іюня 1728 года, было разрѣшено присылать въ Пекинъ русскихъ священниковъ и съ ними шесть учениковъ, для изученія мѣстныхъ нарѣчій. Къ этому времени въ Пекинѣ «во обрѣтающемся для россиянь домѣ построена богдыханскимъ иждивеніемъ преизрядная каменная церковь». Кромѣ того оставалась въ Пекинѣ старая Албазинская церковь, разрушенная до основанія землетрясеніемъ въ 1730 году и вновь отстроенная албазинцами.

Миссія архимандрита Антонія, въ составѣ священника, діакона и шести учениковъ, прибыла въ Пекинъ въ Іюнь 1729 года, а въ 1732 г. на сѣверномъ подворьи освященъ былъ храмъ во имя Успенія Божія Матери, вслѣдствіе совпаденія этого праздника со днемъ празднованія Софіи—Премудрости Божіей. Албазинцевъ въ это время было до 50 дворовъ. Приемникомъ о. Антонія былъ архимандритъ Иларіонъ (Трусовъ).

Начальники миссій назывались старшими священниками. Начальникъ третьей миссіи въ служебномъ отношеніи былъ подчиненъ Иркутскому архіерею, которому онъ долженъ былъ посылать донесенія о своей дѣятельности и испрашивать у него совѣта и указаній въ затруднительныхъ случаяхъ. Архимандриту Иларіону впервые дана была синодальная инструкция, отъ 31 декабря 1734 года, въ которой обращалось главное вниманіе на утвержденіе въ вѣрѣ паствы (албазинцевъ) и разрѣшалось благоразсмотрительно призывать къ благочестію и китайцевъ. При немъ была освящена, построенная богдыханскимъ иждивеніемъ, на посольскомъ (южномъ) дворѣ церковь въ честь Свѣтленія Господня въ 1736 году и при храмѣ основанъ Срѣтенскій монастырь.

Четвертая миссія во главѣ съ архимандритомъ Гервасіемъ пробыла въ Пекинѣ десять лѣтъ (1745-1755). Начальникъ этой миссіи пользовался большимъ уваженіемъ среди китайцевъ за свою высоконравственную жизнь. Начальникъ пятой миссіи архимандритъ Амвросій (Юматовъ) (1755-1771 г.), обладая выдающимися способностями, помимо пользы, приносимой имъ церкви неунышными заботами о своей православной паствѣ, принесъ немалую пользу Россіи участіемъ въ разрѣшеніи ди-

пломатическихъ вопросовъ. По доношенію церковника Зимина, «въ столичномъ китайскомъ городѣ Пекинѣ російскаго резидента не имѣется, но вмѣсто него російскій архимандритъ имѣеть сношенія съ трибуналомъ, изъ котораго присутствующіе, также и изъ прочихъ коллегій господа, часто пріѣзжаютъ въ Російскій посольскій дворъ въ высокорржественные дни и господскіе праздники для смотрѣнія церковной церемоніи и украшенія.

Изъ начальниковъ въ 18 вѣкѣ, до времени отдѣленія мисіи дипломатической отъ духовной, надлежитъ отмѣтить начальника девятой мисіи о. Іакинѣа (Бичурина), прославившагося учеными изслѣдованіями о Китаѣ. Онъ много трудился надъ переводами и издалъ краткій катихизисъ на китайскомъ языкѣ. Затѣмъ архимандриты Петръ, Веніаминъ, Аввакумъ, Поликарпъ, Палладій и Гурій пріобрѣли себѣ извѣстность даже среди европейскихъ синологовъ. При архимандритѣ Гуріи (1858-1864) уже много было переводныхъ книжекъ и статей. Самъ архимандритъ Гурій подготовилъ и издалъ Новый Завѣтъ на китайскомъ литературномъ языкѣ. Такимъ образомъ наши мисіонеры занимались учеными трудами, старались жить со всеміи въ мирѣ и согласіи, потому и пользовались расположеніемъ со стороны китайскаго правительства. Китайцы не разъ предлагали имъ занять должности астрономовъ, математиковъ и докторовъ, но русскіе мисіонеры отклоняли отъ себя подобныя предложенія. Они соглашались быть только наставниками русскаго языка въ основанной въ 1758 году маньчжурско-русской школѣ, а также состоять переводчиками дипломатическихъ бумагъ при трибуналѣ виѣшнихъ сношеній.

До 1861 года Російскаго министра-резидента въ Пекинѣ не было, поэтому мисіа служила нерѣдко по порученію министерства Иностранныхъ Дѣлъ и съ согласія китайскаго правительства, посредницей при дипломатическихъ и торговыхъ сношеніяхъ Россіи съ Китаемъ. Въ вѣдѣніи мисіи находились также командируемые министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, для изученія китайскаго языка, а также маньчжурскаго и тибетскаго, такъ называемые ученики. Изъ нихъ потомъ вышли первые русскіе консулы на крайнемъ Востоку.

Въ 1861 году, для постояннаго пребыванія въ Пекинѣ по дѣламъ дипломатическимъ, назначенъ министр—резидентъ.

На него возложено наблюденіе за всѣми дѣлами, относящимися до взаимныхъ отношеній между русскимъ и китаѣйскимъ правительствами. Въ виду этого министерство Иностранныхъ Дѣлъ возбудило вопросъ объ отдѣленіи духовныхъ членовъ миссіи отъ свѣтскихъ, поступающихъ въ составъ дипломатической миссіи, и наименованіи ихъ православными миссіонерами въ Китаѣ, на тѣхъ же основаніяхъ, какія существуютъ для духовной миссіи нашей въ Іерусалимѣ. Независимо отъ сего названное министерство, указывая на затрудненія посылать въ Россію для рукоположенія во священники албазинцевъ и китаѣйцевъ признавало полезнымъ назначить начальника миссіи въ Пекинѣ въ санѣ епископа. Святѣйшій Синодъ съ своей стороны опредѣленіемъ въ маѣ 1863 года выразилъ на то полное согласіе, но осуществленіе этого предположенія оказалось возможнымъ лишь сорокъ лѣтъ спустя.

По смерти архимандрита Палладія (въ 1878 г.), пользующагося среди синологовъ вполне заслуженною извѣстностью, миссію принялъ архимандритъ Флавіанъ, нынѣ митрополитъ Кіевскій и Галицкій. При немъ миссія приняла характеръ преимущественно учено—издательскій. Самъ архимандритъ Флавіанъ и его ближайшіе, дѣятельные сотрудники—іеромонахи о. Николай (Адоратскій) (и Алексѣй Виноградовъ) занимались собираніемъ и провѣркою переводовъ богослужебныхъ книгъ, сдѣланныхъ преимущественниками, при чемъ напечатано болѣе 20 книгъ, содержащихъ православное богослуженіе и послужившихъ основаніемъ для перевода таковыхъ же книгъ на японскій и корейскій языки. Приемникъ о. Флавіана архимандритъ Амфилохій занимался составленіемъ лексикона и китаѣйской грамматики.

Въ управленіе миссіею архимандрита Иннокентія (Фигуровскаго), нынѣ епископа Переславскаго, духовная миссія наша пережила тяжелое испытаніе—боксерскій погромъ, бывшій лѣтомъ 1900 года. Мятежниками было избито 222 православныхъ христіанина, сожжено Сѣверное подворье миссіи съ богатой библиотекой, школами (мужской и женской) и богадѣльней, разрушено русское кладбище близъ Пекина, уничтожены церкви въ Дунцзинь-анѣ и Калганѣ, а также молитвенный домъ съ подворьемъ въ Пэй-тай-хэ. Уцѣлѣли лишь двѣ церкви—при диплома-

тической Миссии въ Пекинѣ и приходская въ г. Ханькоу. Оставились безъ крова христіане нѣкоторое время ютились въ Тянь-цзинѣ и когда казалось миссія утратила всякую возможность на возстановленіе въ прежнемъ видѣ, она руководящей силою Промысла, не только оправилась отъ разоренія, но расширилась и процвѣла во всей своей красотѣ.

Въ Іюнѣ 1902 года архимандритъ Інокентій хиротонисавъ былъ во епископа Переславскаго въ Петербургѣ и возвратился въ Пекинѣ въ сопровожденіи многочисленной братіи. Быстро двинулись постройки на новомъ обширномъ участкѣ, приобрѣтенномъ миссіею, установились наилучшія отношенія съ китайцами, которые массами приходили креститься въ православную вѣру. Обращенію много содѣйствовало новое духовенство изъ среды самихъ же китайцевъ, а также святое сѣмя крови мучениковъ, пострадавшихъ за вѣру. Лѣтомъ 1903 года совершено торжественное перенесеніе ихъ останковъ во уготованный нарочито склепъ, на мѣстѣ прежняго Успенскаго храма, и съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода, установленъ 11-го Іюня крестный ходъ за городъ на русское кладбище, ежегодно привлекающій огромныя толпы язычниковъ.

По официальному отчету за 1914 годъ въ вѣдѣніи Миссии состоятъ: 1, Учрежденія а) Первоклассный Успенскій мужской монастырь въ Пекинѣ, б) Крестовоздвиженскій скитъ близъ Пекина въ горахъ Сишань, в) Женскій монастырь въ Пекинѣ; 2, пять подворій въ Петроградѣ, въ Москвѣ, въ г. Харбинѣ, въ г. Дальнемъ, на станціи Маньчжурія Китайской Восточной жел. дороги; 3, девятнадцать церквей: въ Пекинѣ—четыре, одной на русскомъ кладбищѣ близъ Пекина, въ Крестовоздвиженскомъ скиту, въ г. Шанхаѣ южномъ, въ Ханькоу, въ Тяньцзинѣ, въ Юнпифу, въ м. Пэй-тай-хэ, въ деревнѣ Дувэй-шань, въ деревнѣ Дунъ-динь-ань, въ г. Харбинѣ, въ г. Дальнемъ, на станціи Маньчжурія, въ г. Петроградѣ, въ поселкѣ Оградное (Петроградской губерніи) и въ г. Москвѣ; 4, три часовни и пять кладбищъ; 5, миссіонерскіе станы: въ провинціи Чжили 14 становъ, въ провинціи Ху-бэй 12, въ провинціи Хэнань 4, въ провинціи Цзянь-су 1, въ Монголіи одинъ, а всего въ тридцати двухъ пунктахъ; 6, одна семинарія въ Пекинѣ, 17 мужскихъ и 3 женскихъ школы; 7, богадѣльня

близъ Пекина за Аньдинмынскими воротами (67 человекамъ выдавалась пища, а 16 изъ нихъ имѣли и ночлегъ); 8, другія учрежденія Миссіи въ Пекинѣ: а) метеорологическая станція, б) библіотека, в) типографія, г) литографія, з) живописная мастерская, и) механическая маст., к) литейная, л) паровая мельница, м) свѣчной заводъ, н) мыловарня, о) пасѣка, п) молочная ферма, р) ткацкая мастерская, с) промышленное бюро, т) кирпичный заводъ.

Общее число учащихся въ школахъ Миссіи превышало 500; семьдесятъ два ученика и двадцать двѣ ученицы состояли на полномъ иждивеніи Миссіи, а 69 учениковъ и 11 ученицъ получали только пищу.

Въ 1914 году было окрещено изъ язычества и младенцевъ 792 человекъ; умерло 36, а общее число православныхъ китайцевъ 5035 человекъ, кромѣ того желающихъ принять христіанство и подготовляющихся ко крещенію болѣе 2000 семействъ.

Переводческой комиссіей при Миссіи было переведено на понятный для слуха языкъ для употребленія при богослуженіи: Евангеліе, книгъ дѣяній свят. Апостоловъ, Соборныя посланія: посланіе Ап. Іакова съ толкованіемъ, 14 посланій Ап. Павла, Часословъ и Псалтирь.

Свою патріотическую дѣятельность по случаю войны Духовная Миссія проявляетъ тѣмъ, что съ 1-го Сентября 1914 года изъ содержанія всѣхъ членовъ Миссіи отчисляется по 5%, а изъ содержанія китайцевъ—3 на больныхъ и раненыхъ воиновъ и ихъ сиротъ.

Миссія, взирая на свое прошлое съ благодарностью къ Богу, уповаетъ, что съ Божьей помощью религіозно-просвѣтительная дѣятельность ея будетъ еще и еще развиваться ко спасенію язычниковъ и славъ Христова имени.

Исторія Албазина.

Съ 1644 года въ Китаѣ произошла перемѣна минской династїи на маньчжурскую. Представители новаго дома естественно должны были относиться съ особою привязанностью къ своей родинѣ сосѣдней съ Сибирью, и, слѣдовательно съ энергіею противодѣйствовать поступательному движенію русскихъ къ Маньчжурїи. Кромѣ того, маньчжуры присвоили себѣ права верховной власти надъ всеѣмъ теченіемъ рѣки Амура.

Въ то время Ярошей Хабаровъ съ войскомъ занялъ Албазинъ, даурскій городъ, и засѣлъ въ немъ. Въ 1651 году Албазинъ представлялъ изъ себя острогъ, обнесенный полисадомъ, и служилъ исходнымъ пунктомъ для экскурсій его гарнизона вдоль рѣки. Первый императоръ маньчжурской династїи Шуньчжи, въ 1651 году отправилъ къ Албазину тысячную армію. Разогнавъ безпокойныхъ сосѣдей, китайская армія нѣкоторыхъ изъ нихъ увела военноплѣнными въ Пекинъ; но крѣпости албазинской не разорила, такъ какъ она стояла на нейтральной землѣ. По удаленїи китайскаго войска, албазинцы снова заняли прежнія свои поселенія и укрѣпились въ нихъ.

Удалясь на Амуръ пятидесятникъ Никифоръ Черниговскій съ товарищами увлекъ съ собою противъ воли строителя киренскаго монастыря старца Гермогена. Въ 1656 году послѣдній жилъ въ Албазинѣ среди русскихъ, а въ 1671 г., съ согласїя всеѣхъ албазинскихъ казаковъ, заложилъ монастырь во имя Всемиловитаго Спаса, немного выше Албазина, при урочищѣ Юрусяномъ Камнѣ. Его же старанію нужно приписать построеніе тогда же въ Албазинѣ церкви Воскресенія Христова. Въ Албазинѣ было учреждено воеводство, съ подчиненіемъ послѣднему всего приамурскаго края, а городъ получилъ гербъ— орла съ распростертыми крыльями, съ лукомъ въ лѣвой и стрѣлою въ правой рукѣ. Первымъ воеводою былъ назначенъ Алексѣй Толбузинъ,, прибывшій въ Албазинъ въ 1684 году.

Убѣдившись въ невозможности взять Албазинъ малой силою, богдыханъ Канси не пожалѣлъ издержекъ. Съ сухого пу-

ти были проложены станціи,—на Сунгари, впадающей въ Амуръ, былъ выстроенъ цѣлый флотъ; на самомъ Амурѣ, ниже Албазина, воздвигли крѣпость. Сдѣланы были огромные запасы провіанта для дѣйствовавшихъ войскъ. При множествѣ пушекъ, отлитыхъ католическими миссіонерами (особенно Вербѣ,) набрали солдатъ не только въ Маньчжуріи, но и внутри собственнаго Китая. Всего войска было 15000 человекъ со 100 пушками и 50 осадными орудіями, подъ предводительствомъ генерала Ланьтани. И вся эта армія шла противъ небольшого острога, въ которомъ, кромѣ пашенныхъ людей и женщинъ съ дѣтьми, сидѣло всего 450 казаковъ съ 3 пушками и 300 ружьями.

Начавшійся штурмъ продолжался цѣлыя сутки и былъ отбитъ русскими. Тогда Лань-танъ прибѣгъ къ зажигательнымъ снарядамъ: приступивъ къ острогу 1 Юля, китайцы заровняли валъ, навели щиты и изъ нихъ стали снова производить пальбу, пуская въ острогъ, вмѣсто ядеръ, наряженные огнемъ стрѣлы. Гарнизонъ Албазина, потерявъ 100 человекъ, оборонялся камнями, послѣ того какъ у него на послѣдокъ вышелъ весь запасъ пороха и свинца.

Во время осады строитель Гермогенъ, старецъ Соловецкаго монастыря Тихонъ и священникъ Максимъ Леонтьевъ много помогали совѣтами воеводѣ Толбузину. Видя безуспѣшность неравной борьбы, они, вмѣстѣ съ обывателями, упросили послѣдняго сдаться на капитуляцію съ правомъ свободного пропуска жителей и гарнизона въ Нерчинскъ. Китайцы выпустили изъ Албазина весь гарнизонъ и жителей. Опасаясь обвиненія въ начатой войнѣ, особенно если бы она приняла для китайцевъ неблагопріятный оборотъ, Канси напередъ приказалъ обращаться съ русскими плѣнными какъ можно мягче, не дѣлать имъ никакого вреда, а предложить—или вернуться въ Якутскъ или Нерчинскъ, или поступить къ нему въ подданство. На такой вызовъ откликнулось только 45 человекъ съ нѣсколькими женщинами и дѣтьми. Собственно говоря это были полудобровольные плѣнники. Остальная часть албазинцевъ (около 300 человекъ) были свидѣтелями разрушенія церкви и города, а затѣмъ подъ предводительствомъ Тольбузина отправилась въ Нерчинскъ, питаясь дорогою кореньями и ягодами. Китайцы провожали ихъ на разстояніи около двухъ сотъ верстъ.

Положеніе албазинцевъ въ Пекинѣ.

О. Максимъ.

Русскіе военнопленные при выходѣ своемъ изъ Албазина, взяли съ собою изъ крѣпостной церкви бѣдную церковную утварь и въ числѣ иконъ образъ Святителя Николая Мирликійскаго, можайскаго типа; а также увлекли съ собою насильно и священника о. Максима Леонтьева. Въ концѣ 1685 года албазинцы прибыли въ Пекинѣ и были приняты ласково добродушнымъ богдыханомъ, которому лестно было похвалиться предъ народомъ такими отчаянными храбрецами. Канси поселилъ ихъ въ самомъ Пекинѣ, на такъ называемомъ «берестовомъ урочищѣ» (хао-ни-чанъ), въ сѣверо-восточномъ углу столицы, у самой городской стѣны. Спустя немного времени послѣ поселенія русскихъ въ столицѣ, богдыханъ повелѣлъ очистить стоявшее на этомъ мѣстѣ буддійское капище, окруженное домами обывателей, и отдалъ его во владѣніе албазинцамъ, которые передѣлали его въ часовню. Сами же они были причислены къ наследственному военному сословію, занимавшему видное положеніе въ имперіи, именно къ желтому съ каймою маньчжурскому знамени, и были записаны въ роту Гудэй, организованную въ 1649 году. Эта рота, вѣроятно, была набербована изъ потомковъ русскихъ пленниковъ и потому называлась «русскою». Потомственнымъ начальникомъ этой роты былъ назначенъ Улангэли, подъ команду котораго и вступили албазинцы во главѣ съ ихъ старшиной Василиемъ. Наравнѣ съ другими солдатами, они получили казенныя квартиры, деньги на первоначальное обзаведеніе, денежные пайки и содержаніе рисомъ, а также по надѣлу пахатной земли и подъ кладбище; послѣднюю внѣ города, за сѣверо-восточной башнею. Наконецъ имъ были даны жены изъ китайнокъ.

Послѣдняя мѣра, послѣ всякихъ льготъ, едва-ли ни была одною изъ главныхъ причинъ быстрой нравственной порчи

нашихъ казаковъ. Жены язычницы внесли полную дисгармонію въ ихъ семейную жизнь. Китайская одежда, пища, помещеніе, служба, связи, знакомства,—все это раскрыло предъ албазинцами иной міръ, влило въ нихъ чуждый духъ и постепенно вытѣснило въ потомствѣ ихъ все родное русское. Уже въ половинѣ 18 столѣтія сложился типъ пекинскаго албазинца, не знавшаго никакого ремесла и, по службѣ въ императорской гвардіи, считавшаго всякое полезное занятіе недостойнымъ себя. Отъ этого онъ, по примѣру своихъ языческихъ сослуживцевъ, обѣднялъ несмотря на большое жалованье, доходившее въ иныхъ семействахъ до 15 рублей въ мѣсяцъ, несмотря на готовое содержаніе и удобныя квартиры. Нерасчетливый, занятый собой и своимъ благородствомъ, грубый, необразованный, суевѣрный, вѣроломный, лукавый, не знающій чѣмъ избавиться отъ тяготившихъ надъ нимъ свободного времени и несносной скуки, постоянно слонявшійся по улицамъ, гостиницамъ и театрамъ, курившій подчасъ опиумъ, пускавшійся въ азартную игру и другія преступныя развлеченія, большой душою и тѣломъ, онъ скоро очутился въ неоплатныхъ долгахъ у столичныхъ ростовщиковъ, ставъ въ концѣ-концовъ притчей во языцѣхъ. Замѣчательно, что такой типъ албазинца удержался во все протяженіе исторіи Миссіи,—до тѣхъ поръ пока не былъ введенъ облагораживающій трудъ съ открытіемъ торговопромышленныхъ учрежденій при Миссіи.

При сношеніяхъ Россіи съ Китаемъ албазинцамъ, благодаря ихъ знанію китайскаго языка, суждено было начать и отчасти выполнить роль первыхъ русскихъ толмачей или драгомановъ. При ежегодномъ почти появленіи въ Пекинѣ русскихъ каравановъ, заключавшихъ въ своемъ составѣ по нѣскольکو сотъ людей, албазинцы вступали въ живой обмѣнъ мыслей со своими соотечественниками, руководили ими при знакомствѣ съ китайскими купцами и при обоюдной мѣнѣ товаровъ, водили по городу и показывали землякамъ достопримѣчательности столицы, рассказывали о пекинскихъ новостяхъ, наконецъ, вмѣстѣ пировали и угощались съ ними. Для русскихъ пріѣзжихъ былъ отведенъ китайскимъ правительствомъ особый дворъ и отдѣльное приказчиье кладбище, лежащее за городомъ, рядомъ съ албазинскимъ, прямо противъ угловой

сѣверо-восточной башни. До открытія богослуженія въ албазинской часовнѣ и храмѣ, русскіе ходили къ богослуженію въ одинъ изъ католическихъ храмовъ (Южный).

Еще болѣе сильною связью албазинцевъ съ Россіею была связь религіозная, выражавшаяся въ участіи ихъ матеріальными пособіями и личнымъ трудомъ при устроеніи первой ихъ часовни и церкви, которая снова была ими выстроена послѣ землетрясенія 1730 года. Эта связь поддерживалась въ нихъ и посѣщеніемъ ими богослуженія. За неимѣніемъ у нихъ пастыря, о. Максима, специальныхъ помощниковъ, обязанности чтецовъ и пѣвцовъ, а также церковнаго старосты исправляли сами албазинцы. И такое участіе ихъ въ богослуженіи православной церкви проходитъ чрезъ всю 200—лѣтнюю исторію миссіи. Поэтому въ первое время задача миссіонерской дѣятельности ихъ пастыря была проста, она ограничивалась только богослуженіемъ и совершеніемъ требъ, и осложнилась къ концу его почти 30-лѣтняго пребыванія среди нихъ, когда ему пришлось заботиться о спасеніи помрачавшагося образа Божія въ потомствѣ албазинцевъ. Исторія не можетъ не оцѣнить его заслугъ еще и потому, что о. Максимъ прибылъ въ Пекинъ уже немолодымъ. По одному свидѣтельству отъ 1699 года онъ уже тогда былъ старъ и плохо видѣлъ. Между тѣмъ на помощь и смѣну ему не присылали никого изъ Россіи. При нѣкоторыхъ караванахъ, приходившихъ въ Пекинъ, бывали и священники, но они не оставались тамъ долго и при томъ не имѣли дозволенія отъ китайскаго правительства отправлять открыто богослуженіе.

Отецъ Максимъ продолжалъ свою пастырскую дѣятельность до самой своей кончины послѣдовавшей въ 1711 или 1712 году. Въ этотъ періодъ времени онъ поддерживалъ въ албазинцахъ православіе постояннымъ богослуженіемъ, требами и проповѣдію. Послѣ полученія казаками отъ богдыханской буддѣйской кумирни, о. Максимъ обратилъ ее въ часовню въ имя святителя Николая Мирликійскаго Чудотворца. Эту часовню китайцы называли Ло-ча-мяо. Въ ней православный пастырь совершалъ богослуженіе до 1695 года. Въ этомъ году Тобольскій митрополитъ Игнатій (1692—1700), получившій свѣдѣніе о положеніи албазинцевъ и ихъ пастыря въ Пекинѣ, отправилъ

къ нимъ верхотурскаго священника Григорія и тобольскаго діакона Лаврентія съ антиминсомъ, св. миромъ, богослужебными книгами и церковной утварью. Для подкрѣпленія православнаго миссіонера, преосвященный Игнатій написалъ о. Максиму грамоту, въ которой преподавъ благословеніе и разрѣшеніе устроить и освятить храмъ во имя св. Софіи, премудрость Божіей, подобно тому, какъ въ Константинополѣ, Кіевѣ, Новгородѣ и другихъ главныхъ городахъ при началѣ въ нихъ христіанства строились софійскіе храмы. Архипастырь писалъ: «О Святомъ Духѣ сыну и сослужителю нашего смиренія, проповѣднику Святаго Евангелія въ китайскомъ царствіи, благоговѣйному іерею Максиму Леонтьеву и, всемъ православнымъ христіанамъ, обитающимъ въ китайскомъ царствіи, архипастырское благословеніе.... Радуюся азъ о твоёмъ исправленіи; аще и въ плѣнѣхъ пребываемы; но самъ, съ Божіею помощію, плѣняеши чловѣки невѣдущія въ познаніе евангельскія правды: и сего ради, возлюбленне, да не смущается, ниже да оскорбляется душа твоя и всѣхъ плѣнныхъ съ тобою о вашемъ таковомъ случаѣ, понеже Божія воли кто противится можетъ. А плѣненіе ваше не безъ пользы китайскимъ жителямъ, яко Христовы православныя вѣры свѣтъ имъ вами открывается, и вамъ спасеніе душевное и небесная мзда умножается». Перечисливъ затѣмъ лицъ, о которыхъ о. Максимъ долженъ былъ молиться за литургіей, митрополитъ Игнатій приказалъ прилагать прошеніе и о китайскомъ императорѣ: «молитися сие послѣ государскихъ ектеній: еще молимся Господу Богу нашему помиловати раба своего (имя рѣкъ) богдыханова величества, какъ его въ титулахъ пишутъ, умножити лѣта живота его и даровати ему благородная чادا въ наслѣдіе рода ихъ, и избавити его и боляръ его отъ всякія скорби, гнѣва и нужды и отъ всякія болѣзни душевныя и тѣлесныя, и открыти имъ свѣтъ евангельскаго просвѣщенія, и простити ему всякое прегрѣшеніе, вольное и невольное, и соединити его святѣй своей соборнѣй и апостольской церкви, яко да получитъ и царствіе небесное».

Подкрѣпленный такими утѣшительными совѣтами сибирскаго архипастыря, о. Максимъ, съ посланными изъ Россіи священнослужителями, освятилъ въ 1696 году албазинскую часовню во имя св. Софіи Премудрости Божіе. Но эта первая

православная церковь въ Пекинѣ долго называлась Никольскою отъ чтиваго албазинцами образа св. Николая. Въ ней, съ 1696 года, началось неопустительное совершеніе о. Максимомъ божественной литургіи и святыхъ таинствъ.

Поучая албазинцевъ истинамъ святаго евангелія, о. Максимъ несъ съ ними и труды жизни. Такъ, во время одной войны китайцевъ съ калмыками, онъ ходилъ съ ними въ походъ, напередъ остришги голову по маньчжурски. Нѣвставленія о. Максима не въ состояніи были предохранить албазинцевъ отъ языческаго вліянія. Мало того, дѣти самаго о. Максима не чужды были нѣкоторыхъ суевѣрій китайскаго язычества.

Со смертію албазинскаго пастыря для малой общины православныхъ русскихъ въ Пекинѣ, «хромавшихъ уже на обѣ плѣснѣ,» наступилъ критическій моментъ серьезной опасности быть поглещенными язычествомъ. Къ счастью ихъ, русское духовное и свѣтское правительство заранѣе уже озаботилось обезпеченіемъ ихъ будущей судьбы и «во время благоприятно» послало имъ нравственно-религіозную помощь.

Первая православная миссія въ Пекинѣ.

По докладу палаты вѣшнихъ сношеній, богдыханъ Канси разрѣшилъ присылку въ Пекинѣ русской духовной миссии, при чемъ просилъ, что съ ней былъ отправленъ въ Китай и докторъ медицины, искусный въ леченіи наружныхъ болѣзней.

(1715-1728 г.)

Резолюція китайскаго богдыхана и желаніе его были немедленно донесены Тобольскимъ губернаторомъ, княземъ Гагаринымъ, императору Петру I-му. Послѣдній писалъ Тобольскому митрополиту Іоанну Максимовичу, управлявшему сибирскою митрополіею съ 1709 по 1715 годъ, избрать достойнѣйшихъ людей для служенія въ царствѣ китайскомъ—архимандрита и съ нимъ священника, діакона, на церковныя должности были избраны въ концѣ 1717 или началѣ 1718 года слѣдующія лица:

1) Архимандритъ Иларіонъ (Лежайскій), малороссъ, родомъ изъ Чернигова, воспитанникъ Кіевской Духовной Академіи. Онъ былъ сотрудникомъ Черниговскаго архіепископа Іоанна Максимовича, переведеннаго потомъ въ Тобольскъ, затѣмъ съ митрополитомъ Филошеемъ переѣхалъ въ Тобольскъ (1702г.) и въ санѣ іеромонаха состоялъ нѣкоторое время при архіерейскомъ домѣ въ качествѣ проповѣдника и эконома. Въ 1709 г. онъ былъ произведенъ въ архимандрита и начальника Якутскаго Спасскаго монастыря, а также и управителя Киренскаго и Илимскаго остроговъ съ уѣздами.

2) Священникъ Лаврентій, вѣроятно ранѣе бывший въ санѣ діакона въ Пекинѣ.

3) Діаконъ Филимонъ, біографія котораго неизвѣстна.

Оба послѣднія лица были назначены членами миссии. Къ нимъ присоединено было семь церковниковъ, вѣроятно, изъ учениковъ тобольской славяно-русской школы, открытой митрополитомъ Филошеемъ въ 1704 г.

Миссии даны были иконы, ризница, утварь и богослужебныя книги. Подъемныхъ денегъ выдано: архимандриту 300 руб., священнику и діакону по 60 руб., семерымъ пѣвчимъ и слу-

жителямъ 80 руб., сорокъ ведеръ вина. Отъ архіерея тобольскаго данъ былъ указъ «вездѣ по монастырямъ, на пути приключившихся, давать что надобно, къ проживленію до самой границы». Жалованье архимандриту Иларіону выдано было въ количествѣ 160 руб. изъ Иркутска на два года. По этой статьѣ штатъ опредѣленъ былъ на первый разъ въ такомъ видѣ: начальнику миссіи 100 руб. въ годъ, священнику и діакону по 80 р. въ годъ, пѣвчимъ по 10 руб. на человѣка. Деньги опредѣлено было высылать повсягодно съ караваномъ изъ Иркутска.

Кромѣ того начальнику миссіи было вручено: 28 ложекъ серебряныхъ, подносъ да 6 чашекъ серебряныхъ, два кафтана суконные да ряса атласная коричневая.

Организованная такимъ образомъ первая православная миссія дожидалась прибытія въ Россію китайскаго посольства къ калмыцкому хану Аюкѣ, чтобы при возвращеніи посольства ѣхать съ нимъ въ Китай; въ Пекинъ же они прибыли къ концу 1715 или въ началѣ 1716 года.

Первая православная миссія изъ Россіи была принята въ Пекинѣ съ особеннымъ почетомъ и вниманіемъ. Богдыханъ архимандрита пожаловалъ мандариномъ 5-ой степени, священника и діакона—мандаринами 7-ой степени, а учениковъ причислялъ къ военному сословію. Всѣмъ членамъ миссіи были отведены казенныя квартиры вблизи албазинской церкви и, вѣроятно, участки земли, а также временное пособіе: архимандриту 800 ланъ серебра (1500 руб.) и ему же на служителей 600 ланъ (около 1100 р.), священнику и діакону по 600 ланъ каждому и на служителей по 400 ланъ, церковникамъ по 300 ланъ и на служителей по 200 ланъ каждому. Сверхъ этого отъ трибунала опредѣлено было производить имъ ежемѣсячное жалованье священнослужителямъ по четыре съ четвертью ланы (офицерскій окладъ), церковникамъ по полтора лана, да изъ казенныхъ магазиновъ рису на каждого по 3 мѣрки. Черезъ три года положено было выдавать на платы: архимандриту по 40 ланъ (70 р.), священнику по 30 ланъ, церковникамъ по 20 ланъ. Всего на російскую миссію отпускалось китайскимъ правительствомъ 428 руб. 70 коп. по тогдашнему курсу. Къ допущенію благоволенія богдыханъ далъ нѣкоторымъ изъ церк-

никовъ женъ, безъ сомнѣнія крещеныхъ ими, а изучившихъ китайскій и маньчжурскій языки впоследствии пристроилъ къ трибуналу внѣшнихъ сношеній для перевода грамотъ, получавшихся отъ російскаго Сената и посылавшихся въ Сенатъ.

Изъ жизни и дѣятельности въ Пекинѣ первой православной миссии извѣстно не много фактовъ, по недостатку документовъ, сохранившихся отъ того времени. Можно сказать вообще, что дѣятельность эта была успѣшна, потому что составъ членовъ ея былъ хорошъ. Архимандритъ Иларіонъ, по мысли Петра I, оказался человѣкомъ «разумнымъ и покладнымъ». По своему нравственному характеру онъ заслужилъ уваженіе не только отъ своихъ пасомыхъ, но и отъ самаго богдыхана, который каждый мѣсяцъ присылалъ въ миссію чиновника справляться о здоровьѣ ея начальника и о нуждахъ миссии. Архимандритъ Иларіонъ устроилъ правильное и стройное богослуженіе, чѣмъ привлекалъ въ православную перковь не только албазинцевъ, но и другихъ жителей Пекина. Изъ числа обращенныхъ въ православіе былъ китаецъ, служившій при албазинской церкви «воцелмоуѣннй». Значить дѣятельность первой миссии не ограничивалась однимъ совершеніемъ богослуженія и требъ, но имѣла въ виду и просвѣщеніе пасомыхъ. По отношенію къ членамъ миссии о. Иларіонъ держался также близко, на что указываетъ заведеніе имъ, на монастырскихъ началахъ, общей трапезы.

Трудность жизни въ Пекинѣ для православнаго человѣка была причиной отправленія въ Россію трехъ учениковъ миссии. Вслѣдъ за выѣздомъ ихъ сталъ болѣть начальникъ миссии. Для облегченія отъ страданій онъ ѣздилъ на теплыя воды въ 22 верстахъ отъ Пекина. Но воды не помогли ему: на обратномъ пути въ миссію онъ скончался 26 апрѣля 1718 года. Тѣло его съ честью было погребено на албазинскомъ кладбищѣ. Услышавшия своего начальника и нуждаясь въ новомъ, миссія, не безъ сомнѣнія, обратилась съ просьбою въ китайскій трибуналъ внѣшнихъ сношеній. Послѣдній отправилъ въ Россію къ полковнику Гагарину отношеніе (листъ), вручивъ его діакону Филимону и церковнику Григорію Смагину, пожелавшимъ вернуться въ Россію. По выѣздѣ ихъ, православная миссія оставалась при одномъ священникѣ и трехъ церковникахъ, свыкших-

ся со своимъ положеніемъ. Въ ожиданіи отвѣта изъ отечества; быть или не быть въ Китаѣ православною миссію, они, безъ сомнѣнія, продолжали отправлять свои обязанности, получая извѣдка вѣсти изъ Сибири чрезъ російскіе караваны.

Получивъ извѣстіе о кончинѣ архимандрита Иларіона, митрополитъ Теодоръ (Филофей), снова управлявшій въ то время сибирской епархіей и находившійся въ обзорѣніи ея въ Енисейскѣ, написалъ письмо къ князю Гагарину (отъ 4 апрѣля 1719 г.): «мы благодаримъ Бога, писалъ святитель, что расширяется христіанская вѣра и имя Божіе славится во языцѣхъ, и впредь есть надежда на прославленіе имени Божія среди китайцевъ.» Продолжая это письмо, митрополитъ подалъ слѣдующій совѣтъ свѣтскому начальнику: «еще ваше сіятельство примеша по Бозѣ ревность, съ пресвященнымъ Стефаномъ (Яворскимъ) посовѣтовавъ, доложите Его Царскому Величеству, и, избравъ добраго и мудраго человѣка, туда въ царство китайское пошлете незамедля. Аще хотъ бы и чиномъ архіерейскимъ почтите, и клиру съ нимъ человѣкъ 15 послати, понеже то они китайцы разумѣютъ, что Его Царское Величество для укрѣпленія вѣчнаго мира такихъ людей пришлегъ». Мысль, постоянно занимавшая Петра Великаго, на счетъ водворенія православною вѣры въ предѣлахъ Монголіи и Китая, нашла теперь живой откликъ въ лицѣ ревностнаго сибирскаго архипастыря и встрѣтила сочувствіе въ лицахъ правительствующаго сената и членахъ коллегіи духовныхъ дѣлъ. По взаимному сношенію ихъ, было положено основать въ Пекинь православную епископскую кафедру.

О православной епископіи въ Китаѣ.

Въ 1719 году императоръ Петръ I отправилъ чрезвычайнымъ посланникомъ въ Пекинъ капитана гвардіи Льва Измайлова для разрѣшенія вопросовъ о свободной торговлѣ Россіи съ Китаемъ. Въ инструкціи отъ камерцъ-коллегіи и иностранныхъ дѣлъ ему поручено было, между прочимъ, исходатайствовать пріѣзжавшимъ тогда въ Китай россіанамъ «невозбранно содержать свою вѣру» и «стараніе свое приложить, чтобы ханово величество соизволилъ на постройку церкви греческаго исповѣданія для пріѣзжающихъ купцовъ, подданныхъ Его Царскаго Величества и для пребыванія тамъ священниковъ, какъ то отъ нихъ (китайцевъ) позволено римскаго исповѣданія іезуитамъ,—и на строеніе церкви оной дано бы было мѣсто, которая (церковь) изъ казны Его Царскаго Величества построена быть имѣеть». Ко времени отъѣзда Измайлова получено было въ Петербургѣ извѣстіе о смерти въ Пекинѣ архимандрита Иларіона. Въ виду желанія, высказаннаго въ листѣ китайскаго трибунала на счетъ присылки новаго архимандрита, Измайлову было поручено взять съ собою, по указанію сибирскаго митрополита Θεодора (Филоѳея), архимандрита Антонія (Платковскаго). Левъ Измайловъ, выѣхавъ изъ Петербурга 16 Іюня 1719 года, прибылъ въ Иркутскъ 15 Мая 1720 года, затѣмъ долженъ былъ прожить 14 недѣль въ Селенгинскѣ въ ожиданіи дозволенія отъ китайскаго правительства перейти въ Явицу.

Мысль о православномъ епископѣ въ Китаѣ нравилась Петру I потому, что при этомъ условіи можно было прочесть имѣть распространеніе и утвержденіе православной вѣры въ обширной имперіи чрезъ рукоположеніе во священнослужители достойныхъ лицъ изъ самихъ китайцевъ. 14 Февраля 1721 года новоучрежденный (съ 25 января) святѣйшій Синодъ, по сношенію съ Сенатомъ, докладывалъ Государю свѣдѣннаго въ хинское государство іеромонаха Иннокен-

тія Кульчицкаго архіереємъ Иркутскимъ и Нерчинскимъ посвятить ли и, для удобяйшаго обхожденія, отъ сибирской епархіи отдѣлить ли? «По сказанію иркутскаго лѣтописца Пежемскаго о. Иннокентій былъ вызванъ съ юга Россіи въ числѣ другихъ «доброжителныхъ» монашествующихъ для пополненія только что основанной тогда Невской лавры. Здѣсь онъ вскорѣ былъ назначенъ флотскимъ оберъ—іеромонахомъ. Государь отвѣчалъ: «въ архіереи посвятить, но лучше бѣ безъ титула городовъ, понеже сіи города порубежныя къ Хинѣ, чтобы іезуиты не перетолковали инако и бѣдетва бѣ не нанесли». 25 февраля того-же года въ доношеніи своемъ св. Синоду свят. Иннокентій спрашивалъ о томъ же: «аще возможно отдѣлить ко мнѣ пограничныя города, яко Иркутскъ, Якутскъ и Нерчинскъ; а ради поставленія, аще нужда позоветъ, можно будетъ съ караваномъ въ Китай ставленникамъ приходить. Аще же сего нельзя сдѣлать, то учредить достойнымъ жалованьемъ, дабы мнѣ и выше означеннымъ чинамъ, живучи тамо, у татаръ милости не просить и Россіи безчестія не дѣлать». Противъ этого пункта доношенія была положена резолюція: «оставить сей пунктъ, а о жалованьи писать вѣдніе». Въ томъ же доношеніи, о. Иннокентій просилъ св. Синолъ, чтобы къ хинскому императору пожаловано было царскаго величества грамота, съ чимъ бы прибыть тамо, чтобы было имъ пріятно и мнѣ смѣлѣе, въ которой и число людей, со маюю посылаемыхъ, означить, ибо болѣе не пріемлютъ».

4 марта 1721 г. новоизбранный былъ нареченъ, а на слѣдующій день хиротонисанъ во епископа Переяславльскаго (по силѣ 6 прав. Халкидонскаго соб.) при чемъ св. Синолъ предоставилъ ему, между прочимъ, «къ архіерею сибирскому (Антонію ни къ сему, ни къ предбудущему, — токму къ единому св. Синолу подлежать, а сибирскій архіерей ни въ чемъ бы ему, и ащ кто отъ него посланъ будетъ въ Петербургъ съ письмами, непатія и задержки не чинить, но лаче помоществовать». Тѣмъ же указомъ (отъ 7 марта 1721) назначено было содержаніе новаго архіерея и его свиты, именно, пока онъ будетъ у опредѣленнаго мѣста, давать ему изъ доходовъ сибирскаго края 1000 и 500 руб. въ годъ и посылать ихъ съ караваномъ для повязки выдать 500 руб. изъ статсъ-канторы. По указу

св. Синода, изъ патриаршей ризницы выданы были ему омофоръ, церковные сосуды, вѣсомъ въ 2 фунта 46 зол., а изъ типографіи— книги всего церковно—богослужебнаго круга и нѣсколько экземпляровъ учебниковъ. Въ дополненіе къ этому, ему было разрѣшено взять изъ суздальской архіерейской ризницы все, что выдано было изъ тамбовской ризницы бывшему суздальскому митрополиту Ефрему. Въ числѣ прочихъ вещей епископъ Иннокентій получилъ митру одного армянскаго архіерея, которую переѣлалъ по образцу греко—россійской церкви. Въ свиту преосвященнаго были назначены два іеромонаха, два іеродіаконъ, пять пѣвчихъ, двое служителей и одинъ поварь.

19 апрѣля 1721 года святитель Иннокентій со свитою своею выѣхалъ изъ Петербурга. Вслѣдъ за нимъ святѣйшимъ Синодомъ была послана ему и грамота, содержащая въ себѣ и нѣкоторыя инструкціи для новаго епископа.

Послѣ сношенія святѣйшаго Синода съ Сенатомъ, 13 мая была послана рекомендательная грамота или «листь», подписанный руками правительствующаго Сената, къ Свату ханскаго хана объ отправленномъ въ Хину епископѣ Иннокентіи Кульчицкомъ со служителями:

«Его Величества, великихъ азиатскихъ странъ императора, монарха самовластѣйшаго, богдойскаго и китайскаго хана верховнымъ министрамъ и государственныхъ дѣлъ управителямъ».

Послѣ упоминанія объ отправленіи въ Пекинъ первой миссіи, благосклонномъ приѣмѣ ея богдыханомъ, смерти архимандрита Иларіона и извѣщеніи о томъ китайскимъ трибуналомъ сибирскаго губернатора, листъ гласитъ: «Его Царское Величество разсудилъ заотребно повелѣть въ Пекинъ на мѣсто помянутаго умершаго архимандрита, для отправленія тамо божественныя службы и всѣхъ тамо принадлежащихъ по закону нашему духовныхъ дѣлъ, духовную особу, господина Иннокентія Кульчицкаго и съ нимъ двухъ іеромонаховъ и двухъ діаконъ и нѣсколько служителей. И тако мы, учрежденный отъ Его Царскаго Величества правительствующій государственныхъ дѣлъ Сенатъ, по всемилостивѣйшему повелѣнію, вашихъ сіятельствъ превосходительство просимъ дружелюбно, дабы по вашему предѣланію его ханово величество, помянутому господину

Кульявцкому . . . , позволилъ не токмо въ Пекинѣ пребывать и службу божественную въ церкви, по обычаю нашему христіанскому, отправлять, но и въ прочія мѣста государства . . . , гдѣ есть люди нашего закона, для посѣщенія оныхъ, невозбранно ѣздить, а особливо, чтобы его ханово величество, по имѣющейей своей дружбѣ съ Его Царскимъ Величествомъ, изволилъ содержать нашего закона церковь и помянутаго господина Кульчицкаго, со всѣми служители и прочими нашея христіанскія вѣры людьми, въ своей протекціи и милости, за что взаимно . . . , что ему ханову величеству благоугодно явиться, къ удовольствію его охотно исполнено будетъ».

Слишкомъ 11 мѣсяцевъ продолжалось путешествіе преосвященнаго Иннокентія отъ Петербурга до Иркутска. Онъ долженъ былъ останавливаться въ Москвѣ для полученія ризицы и церковной утвари, а потомъ въ нѣсколькихъ городахъ для отдыха и, между прочимъ, въ Тобольскѣ, гдѣ, вѣроятно, набрала часть своей свиты. «Прибыль я, писалъ святитель отъ 2 сентября 1722 года въ донесеніи святѣйшему Синоду, прибыль я въ Иркутскій городъ въ 1722 г. марта въ первыхъ числахъ. И по прибытіи, немедля и мало, господинъ Ив. Ив. Полуектовъ, воевода иркутскій, послалъ письмо (въ Ургу), ознаймующее о моемъ въ Китай странствованіи, къ Тушетухану, владѣльцу мунгальскому, которое бы онъ, яко прежде бывало, тамо переслалъ. Я же тѣмъ временемъ въ Троицко-селенгинскій перебился монастырь и тамо ждалъ отвѣту. Но оный Тушетуханъ письма не принялъ, съ таковымъ отговоромъ: «для чего воевода не писалъ ко мнѣ, о чемъ тое письмо посылается въ Китай, и тако той посланецъ тощъ возвратился. Посылалъ и въ другое той же воевода въ апрѣлѣ, ясно объявляя ему въ его грамоткѣ, о чемъ тое письмо посылается; но уже посланный не получилъ Тушетухана въ Ургѣ, отшелъ бо въ полки ханскіе. Посылалъ и втретіе; и хотя посланный и засталъ его въ Ургѣ, но и тогда ничего не сдѣлалъ: прочелъ бо грамотку, отъ воеводы къ нему писанную, бросилъ, а другія письма назадъ въ Селенгинскъ отослалъ. Наконецъ, я самъ желая подлинно увѣдомиться, прійметъ ли оный Тушетуханъ листъ, о мнѣ писанный, и пошлетъ ли въ Китай, или вовсе откажетъ, переведши списокъ съ грамоты, съ Пекина»

къ Гагарину писанной о другомъ начальникѣ, съ русскаго на мунгальскій языкъ, посылавъ своего діакона Филимона въ Ургу въ іюль мѣсяцѣ. И заледво тако принялъ и послалъ въ Пекинъ того жъ іюля 18 числа, откуда и по сіе еще число отвѣту не было, а будетъ ли впредь, не вѣдаю, и того ради въ Селенгинску сидѣти принужденъ есмь».

Грамота росейскаго Сената о новой миссіи, вслѣдствіе мѣшкотности ургинскаго владѣльца, не была получена въ Пекинъ во время пребыванія тамъ русскаго торговаго агента Ланга, который 17 іюля 1722 года долженъ былъ оставить столицу Китая и 26 августа прибылъ въ Селенгинскъ, не привезя съ собою отвѣта на счетъ перемѣны русскої духовной миссіи. Іезуиты, узнавши векорѣ о намѣреніяхъ русскаго правительства и, опасаясь встрѣтить въ лицѣ православнаго епископа опаснаго соперника въ распространеніи христіанства, посовѣтовали китайскимъ министрамъ не допускать преосвященнаго Иннокентія въ Пекинъ и тѣмъ разрушить планы русскаго правительства. Томясь неизвѣстностью, нашъ святитель смиренно писалъ святѣйшему Синоду отъ 6 Октября 1722 г. «слысы язвыны имуть на опочинокъ, я же по сіе время не имамъ гдѣ главы приклонити: скитаюся бо со двора во дворъ и изъ дому въ домъ прехоцяци». При семъ доношеніи преосвященный приложилъ неопредѣленный отвѣтъ изъ Пекина, въ которомъ говорилось, что пока монгольскіе бѣглецы не будутъ розысканы и выданы Китаю, о приѣмѣ епископа Иннокентія не можетъ быть и рѣчи. «Третіе уже обрѣтъ пѣвную оказію, доносилъ Синоду святитель (отъ 8 марта 1723 г.) со всякою покорностью о моемъ недостойнствѣ извѣщаю, что стою на гравицѣ ни въ сихъ, ни въ тѣхъ: въ Китай бо, для означенной во второмъ моемъ вѣдѣніи причины, не приемлють, но и писемъ никакихъ ниже сюда къ намъ, ниже къ себѣ пропускають. А назадъ и мало безъ указу своего правленія поступить не смѣю, хотя здѣ и не безъ нужды пребываю. И егда покорное сіе вѣдѣніе сподобится высокое святѣйшаго Синода лице видѣти, станеть просить смиренно о томъ, дабы онъ заблагодарасудилъ милостивѣйшимъ своимъ указомъ мене увѣдомить, что мя хочеть творить и куда обратить, ибо зѣло печаленъ есмь, не вѣдая пути въ онъ же пойду». Желаемое свя-

тителемъ повелѣніе онъ получилъ въ концѣ 1723 года и началъ слѣдующаго: «пребываніе имѣть въ Селенгинску неотложно».

Въ началѣ 1723 г. въ Россію достигъ слухъ о кончинѣ семидесятилѣтняго богдыхана Канси (ум. 9 декабря 1722 г.) и о вступленіи на престолъ четвертаго его сына, 45—лѣтняго Юнъ-чжена. Съ новымъ государемъ началась сильная реакція въ Китаѣ противъ западныхъ пришельцевъ, католическихъ миссіонеровъ. Эта реакція отнеслась враждебно и къ вопросу о послышкѣ въ Пекинъ православнаго епископа. Новый богдыханъ разрѣшилъ критическое обслѣдованіе системы дѣйствія католическихъ миссіонеровъ. Правительственные прокуроры въ своихъ представленіяхъ и докладахъ раскрыли массу злоупотребленій со стороны іезуитовъ, уронившихъ въ глазахъ китайцевъ достоинство христіанства. Что касается личности новаго богдыхана, то, по отзывамъ современниковъ, Юнъ-чженомъ никто не былъ доволенъ, «ибо пуще римскаго Нерона государство свое притѣснялъ, нѣсколько тысячъ людей умерилъ, а немало милліоновъ несправедливо ограбилъ. При всемъ многолюдствѣ и чрезмѣрномъ богатствѣ двора, народъ помиралъ (тогда) съ голоду, и не видно было въ немъ ни крѣпости, ни разума, ниже храбрости: непостоянство, гордость, лукавство и трусость занимало все ихъ упражненіе». Опасаясь раздражать сосѣдственную державу, Юнъ-чженъ отправилъ въ Россію посольство на другой же годъ своего вступленія на престолъ. «Въ семъ настоящемъ 1724 г., писалъ преосвященный Иннокентій въ св. Синодъ отъ 14 августа, были изъ хинскаго государства въ Селенгинску полномочные послы... для договора о выходцахъ изъ мунгальской земли и иныхъ ради претензій, которымъ г. агентъ Лангъ довольно изволилъ говорить о томъ, дабы приняли мене въ Пекинъ, предлагая имъ тое, что отъ нихъ было писано въ россійское имперіумъ, дабы былъ посланъ другой начальникъ (миссіи) на мѣсто умершаго, такжеже, что и изъ Сенату россійскаго къ нимъ есть великолюбовная грамота, и что духовное дѣло къ бѣглецамъ не надлежитъ; аще же бы и за кормомъ, который прежде тамо бывшимъ даванъ былъ, или за домами дѣло стало, и того де онъ не требуетъ: имѣетъ бо жалованье отъ императорскаго величества: а домъ можетъ занять. А они тако отвѣтствовали: мы

де теперь не можемъ его принять, пока не доложимся богдыханова величества, а когда будетъ отъ самодержца все-россійскаго нѣкая персона, таковую жъ, яко и мы, полную мочь имѣющая, и договоръ сдѣлается о всемъ, за чимъ мы присланы были и паки будемъ тогда и о этомъ господинѣ, получивъ резонъ отъ нашего милостивѣйшаго государя, изъяснится, принять-ли будетъ, или нѣтъ».

28 января 1725 года скончался императоръ Петръ 1-ый. Извѣщая всѣ иностранныя державы объ этомъ печальномъ событіи, императрица Екатерина 1-ая рескриптомъ отъ 3 марта повелѣла агенту Лангу увѣдомить о томъ и китайскій дворъ, съ обѣщаніемъ скорѣе отправить въ Пекинъ полномочнаго министра для принесенія новому богдыхану поздравленія «съ воспріятіемъ наслѣдственнаго китайскаго престола.»

28 іюля 1725 г. коллегія иностранныхъ дѣлъ донесла св. Синоду объ отправленіи въ Китай чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, Иллирійскаго графа Саввы Владиславовича Рагузинскаго, который въ доношеніи своемъ отъ 23 іюля въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ просилъ для отправленія церковной службы въ пути и въ Китаѣ, священника и походную церковь съ принадлежащимъ уборомъ и церковной утварью.

4 августа св. Синодъ постановилъ слѣдующее опредѣленіе: «ежели препятствія никакого со стороны китайской не воспослѣдуетъ, со онымъ графомъ ѣхать туда обрѣтающемуся въ сибирской губерніи, въ Иркутскомъ монастырѣ, Иннокентію, епискому переяславскому. А ежели св. архіерея, туда не допустятъ, то ѣхать съ нимъ, графомъ, онаго Иркутскаго монастыря архимандриту Антонію Платковскому. Указами св. Синода отъ 18 февраля и 31 марта 1725 г. святителю Иннокентію повелѣно было переѣхать изъ Селенгинска въ Иркутскъ, гдѣ онъ въ Вознесенскомъ монастырѣ сталъ кормиться опредѣленнымъ ему жалованьемъ. Недолго пришлось вздохнуть здѣсь многострадальному подвижнику. Указомъ св. Синода отъ 4 августа 1725 г. ему снова повелѣно было ѣхать въ Китай съ новымъ россійскимъ посланникомъ, при чемъ было преписано: «поступать въ бытность тамо о надлежащемъ до чина его (Свят. Иннокетія) по его разсужденію, а въ полити-

ческихъ всякихъ дѣлахъ, что ежели когда случаемъ позовется, обхожденіе чинить ему по совѣту его графскому и ничего безъ совѣту не дѣлать». Вслѣдствіе этого преосвящ. Иннокентій выѣхалъ изъ Иркутска въ Селенгинскъ 7 апрѣля 1726 г. Между тѣмъ Савва Владиславичъ, по пріѣздѣ своемъ въ Сибирь, «посланными отъ себя въ Пекинъ съ нарочнымъ къ тамошнему министерству письмами предварительно увѣдомилъ ихъ о назначеніи его къ тамошнему двору въ качествѣ чрезвычайнаго посланника, давъ знать въ то же время и о помянутомъ епископѣ сими словами: какъ духовная особа назначенная Его Величествомъ, императоромъ, для пребыванія въ Пекинъ (о коей имъ уже небезъизвѣстно) находится нынѣ на границѣ, то и просилъ, чтобы они исходатайствовали у его богдыханова величества позволеніе о пропускѣ его въ Пекинъ съ нимъ, Владиславовичемъ, или же съ караваномъ. Послѣ сего доносилъ онъ, что посланнаго отъ него съ письмами къ пекинскому министерству ургинскій владѣтель не допустилъ».

Гонецъ агента Ланга, писарь Давидъ Граве, былъ однако пропущенъ въ Пекинъ, откуда возвратился съ извѣстіемъ (25 мая 1726 г.), что для принятія и препровожденія въ Китай русскаго посланника были отправлены на границу двѣ знатныя особы. «И какъ онъ, чрезвычайный посланникъ . . . изъ Селенгинска въ Китай поднялся (21 августа 1726 г.) писалъ преосвященный Святѣйшему Синоду, и я ѣздилъ къ нему на Стрѣлку и, по приказу его вручилъ ему копію съ письма Тушетухана. . . И онъ (графъ) общался, будучи при ханскомъ дворѣ, о пріемѣ моемъ тѣхатися, и приказалъ мнѣ ожидать въ Селенгинску отъ него изъ границы извѣстія, какъ его китайцы примуть и что о моемъ пропускѣ они учинять: буде пропуститъ, то бы мнѣ ѣхать немедленно, а буде того не учинять; то бы мнѣ ожидать отъ него извѣстія изъ Пекина. «Послѣ свиданія съ китайскими посланниками (24 августа) на рѣкѣ Бурѣ, русскаго посланника 31 августа донесъ въ Петербургъ, что китайскіе министры (Лонгот. и Секи), которые его на границѣ пранимали, епископа Иннокентія Кульчицкаго . . ., съ нимъ, графомъ, въ Китай безъ указа ханскаго не пропустили. И не чаеть онъ, чтобы его (святителя) китайцы приняли, для того, какъ онъ, Владиславичъ, слышалъ, что при дворѣ китай-

скомъ персона ево, епископа, въ великомъ градусѣ почитается: понеже онъ изъ Сибири писанъ «великимъ господиномъ», изъ чего китайцы взяли суспицію, что будто онъ превеликая особа. И министры ихъ агенту Лангу и посланному къ нимъ курьеру (Граве) говорили, что богдыханъ такую превеликую особу никогда принять не повелить: понеже у нихъ великой господинъ называется ихъ папа или кутухта. И что по ево (Саввы) старанію въ бытность при китайскомъ дворѣ, куда уже онъ изъ Сибири поѣхалъ, можетъ быть, паки архимандритъ и священники въ Пекинъ приняты будутъ, а епископъ никогда не допустится. И ежели вмѣсто ево, епископа Иннокентія, за дальностью изъ Петербурга послать иную духовную особу трудно: то предоставляетъ онъ, графъ Владиславичъ, Вознесенскаго архимандрита Антонія, который при Иркутскомъ живетъ и учитъ нѣсколько дѣтей языку мунгалскому и бывалъ въ Пекинѣ, и человекъ трезвъ, и не безъ ума».

Святитель Иннокентій оказался болѣе нужнымъ и полезнымъ для простыхъ и не испорченыхъ сердецъ сибирскихъ инородцевъ. 16 января 1727 года въ протоколѣ святѣйшаго Синода было постановлено: «во исполненіе Ея Императорскаго Величества именного указа, святѣйшій правительствующій Синодъ приказали: о бытіи преосвященному Иннокентію, епископу переславскому, нынѣ въ Иркутскѣ настоящимъ епископомъ и о титулованіи себя по той епархіи, какъ и прежде было». Показавъ въ описанныхъ странствованіяхъ изъ мѣста въ мѣсто и тягостяхъ тогдашней жизни высокую добродѣтель терпѣнія и послушанія, слабый здоровьемъ святитель Иннокентій не мало еще потрудился послѣ того для своей паствы и почилъ о Господѣ 26 ноября 1731 года. Управляя Иркутской епархіею, онъ показалъ себя добрымъ пастыремъ, прежде всего озаботившимся объ улучшеніи приходскаго духовенства, о проповѣди слова Божія среди инородцевъ Сибири и монголь. Нетлѣнныя мощи святителя прославлены многими чудесами и открыты были 23 октября 1803 года. Такимъ образомъ святитель Иннокентій является теперь небеснымъ покровителемъ православной миссіи въ Китаѣ.

